

Slavistický ústav Jána Stanislava Slovenskej akadémie vied
Slovenský komitét slavistov

u. fond
na podporu
umenia

Peter Žeňuch – Peter Zubko et alii

Liturgické jazyky
v duchovnej kultúre
Slovanov

Monotematický súbor štúdií

Bratislava 2017

RECENZENTI

Доц. д-р Десислава Найденова

Prof. PhDr. Júlia Dudášová, DrSc.

Doc. SEODr. PaedDr. Šimon Marinčák, PhD.

REDAKTORI PUBLIKÁCIE

Prof. PhDr. Peter Žeňuch, DrSc.

Prof. PhDr. ThDr. Peter Zubko, PhD.

Mgr. Svetlana Vašíčková, PhD.

Mgr. Juraj Molčányi (technická redakcia)

Publikácia vyšla s finančným príspevím Fondu na podporu umenia.

Publikácia patrí k výsledkom riešenia projektu

Cyrilské písomníctvo na Slovensku do konca 18. storočia, APVV-14-0029.

Internetová stránka projektu: www.cyrslav.sav.sk

ISBN 978-80-89489-34-3

EAN 9788089489343

Obsah publikácie

Predslov.....	9
I. Liturgické jazyky ako prejav konfesionalnej a jazykovo-etnickej identity	
<i>Ján Doruľa</i>	
Bibličtina.....	13
<i>Peter Žeňuch</i>	
Cirkevná slovančina slovenských veriacich byzantského obradu	21
<i>Svorad Zavarský</i>	
Latinská cesta k identite uhorských gréckokatolíkov?	37
<i>Peter Zubko</i>	
Liturgické jazyky ľudu Zemplína a Šariša pri kresťanských bohoslužbách v roku 1749	47
<i>Ladislav Kačič</i>	
Vernakulárne jazyky v liturgii niektorých reholí na Slovensku v 17. a 18. storočí.....	69
<i>Славия Бърлиева</i>	
Sub anathematis vincula – народностните езици в средновековната Западна църква, славянското богослужение и славянското писмо	75
<i>Jan Stradomski</i>	
Soteriologiczne aspekty sporu o język liturgiczny w katolicko-prawosławnej polemice religijnej w Rzeczpospolitej pod koniec XVI wieku.....	89
<i>Галина С. Баранкова – Елена В. Белякова</i>	
Жанровые и языковые особенности поучений в литургической практике славян.....	101

<i>Lubomíra Wilšinská</i> Byzantsko-slovanská mníšska tradícia pod Karpatmi z pohľadu latinskej literárnej kultúry.....	119
<i>Светлана Вашичкова</i> О языке евангельских перикоп учительных евангелий карпатского региона.....	133
 II. Duchovná kresťanská tradícia a jej odraz v písomnej kultúre	
<i>Драгиша Бојовић</i> Позајмице из богослужбене поезије и поетика српског житија.....	143
<i>Светлозар Влайков</i> Образи-символи в богослужбения стил на старобългарския книжовен език.....	151
<i>Katarína Žeňuchová</i> Osobitosti fungovania cirkevnej slovančiny v nekánonických písomnostiach karpatskej proveniencie.....	161
<i>Ольга В. Белова</i> «Святой» язык и разговорная стихия: религиозная лексика в славянских фольклорных и фольклоризованных текстах (к проблеме этноконфессионального диалога в народной культуре)	173
<i>Александра Плетнева</i> Церковнославянский язык в народной письменности XVIII – XIX веков.....	185
<i>Swetlana Mengel</i> Переводы немецких духовных песен на русский язык в конце XVII – начале XVIII веков: их рецепция в культурно-языковой ситуации России и особенности языка.....	193
<i>Mária Prokipčáková</i> Princípy vzťahu hudby a slova v cyrilských hudobných prameňoch karpatskej oblasti.....	205

III. Aktuálne otázky prekladania liturgických textov do národných jazykov

Александр Кравецкий

К истории и предыстории литургических переводов
XVII – XXI вв. 227

Jozef Pavlovič

Fenomén „nepreložiteľnosti“ výrazu 239

Walerian Bugel

Specifika a úskalí vytváření překladů liturgických textů
pohledem teologa. Příspěvek k teoretickému rámci
teorie translace bohoslužebných textů západní i východní tradice
ve středoevropských slovanských jazycích 245

Eva Maria Hrdinová

Diverzita versus jednota v mnohosti. Vybrané české pravoslavné
a řeckokatolické překlady Chrysostomovy liturgie 279

Jana A. Nováková

Mezi improvizací a tradicí. K počátkům liturgického snažení
českého a moravského pravoslaví 291

Mária Strýčková

Metodologické východiská pri tvorbe latinsko-cirkevnoslovanského
glosára k výkladu liturgií J. J. Baziloviča 311

Kristína Pavlovičová

O prekladoch Proglasu do slovenčiny 323

Euboš Lukoviny

K rozsahu liturgického diela Konštantína Filozofa Solúnskeho 339

Церковнославянский язык в народной письменности XVIII – XIX веков.

Александра Плетнева

Обычно считается, что история церковнославянского языка заканчивается в начале XVIII века, когда этот язык был вытеснен русским литературным. При этом вне рассмотрения остается нечто весьма существенное. Дело в том, что параллельно с русской классической литературой в XVIII-XIX вв. существовала другая литература (или, точнее, другая словесность), для которой этот язык оставался актуальным. Это народная, или лубочная, литература. Поскольку русская филологическая мысль уделяет этому явлению не так много внимания, общепринятого определения для этого феномена нет. Природа народной письменности связана с сословным характером русского общества. Русская культура в XVIII-XIX вв. не была однородна. Представители различных сословий отличались друг от друга не столько экономическим положением (обедневший дворянин мог просить в долг у богатого мещанина), сколько всем комплексом привычек и представлений. Несколько упрощая ситуацию, можно говорить о двух культурах: о дворянской культуре (на нее ориентировалось и городское духовенство, и столичное мещанство, и, отчасти, купечество), и о крестьянской культуре (к ней были близки жители маленьких городов - купцы и мещане - и сельское духовенство). Представители этих двух культур имели разный образовательный статус и читали разные книги.¹

Сейчас уже не имеет смысла доказывать, что образование получали не только дворяне, но и крестьяне.² Долгое время крестьянское образование не замечалось, потому что оно принципиально отличалось от того, что мы сейчас называем образованием. Оно было ориентировано на средневековую модель обучения чтению. Детей учили читать по церковнославянскому Букварю, Часослову и Псалтири, и в результате этого обучения выучивался наизусть значительный объем церковнославянских текстов. Однако, если сегодня уже не вызывает сомнения, что в XVIII – XIX в. многие из крестьян умели

¹ Рейтблат, Абрам: От Бовы к Бальмонту и другие работы по социологии русской литературы. Москва: Новое литературное обозрение, 2009, с. 14-186.

² Кравецкий, Александр – Плетнева, Александра: История церковнославянского языка в России (конец XIX–XX в.). Москва: Языки русской культуры, 2001, с. 25-41; Плетнева, Александра: Лубочная библия: язык и текст. Москва: Языки славянской культуры, 2013, с. 30-40; Громыко, Марина: Мир русской деревни. Москва: Молодая гвардия, 1991, с. 273-315.

читать по-церковнославянски, то наличие у крестьян своей особой литературы светского характера осмысленно еще не достаточно хорошо.

В дальнейшем, говоря о народной литературе,³ мы будем иметь в виду тот корпус текстов, который был в ходу у жителей России, научившихся чтению по церковным книгам. То есть народная литература – это такая литература, читатель которой не принадлежит к образованным сословиям и культурной элите. К 20-м годам XX века печатные издания этой традиции прекратили свое существование, а рукописная версия дожила почти до нашего времени. В диалектологических и этнографических экспедициях и сегодня собирают и копируют переписанные от руки тетрадки, содержащие тексты апокрифических сочинений, записи народных песен, заговоры и молитвы и т.д. Среди этих текстов много тех, которые читали и копировали в XVIII – XIX веках.

Народная (или лубочная) литература отличалась от классической русской литературы не только своим репертуаром, но и в языковом отношении. Отличия наблюдаются на всех уровнях языка. Это в значительной степени связано с происхождением народной письменности. Дело в том, что культура в допетровской Руси, к которой исторически восходит лубочная традиция, не носила столь ярко выраженного сословного характера и не была ориентирована исключительно на аристократию. После петровских преобразований эта культура никуда не исчезла. Она была вытеснена культурой новой элиты, но сохранялась у недворянских сословий. То есть, ее судьба была отчасти сходна с судьбой церковнославянского языка, который с появлением нового русского литературного языка не исчез, но ушел на периферию языкового пространства.

Народная литература на протяжении XVIII – XIX вв. не была законсервированной и неизменной. Она продолжала свое развитие. Корпус лубочных текстов включал не только средневековые сочинения и записи фольклора, но и пополнялся новыми произведениями элитарной культуры, которые некоторым образом модифицировались и приспособлялись к вкусам и представлениям народа.

Носители новой послепетровской культуре видели в народной литературе лишь пережиток прошлого. Поэтому она не привлекала внимания современников. Интересы же позднейших исследователей были в основном сосредоточены на том варианте языка и литературы, которые возникли в результате петровских преобразований. Поэтому об истории народной письменности мы

³ Говоря о народной литературе я имею в виду прежде всего лубочную литературу в широком смысле этого слова. Прежде чем приступить к дальнейшему изложению, необходимо пояснить, что значит «в широком смысле слова». Традиционно лубком (лубком в узком смысле) называют цельногравированные издания, в которых в технике гравюры выполнены не только иллюстрации, но и воспроизведен текст (Хромов, Олег: Русская лубочная книга XVIII – XIX веков. Москва: Памятники исторической мысли, 1998, с. 72). Другое определение лубка (лубочная литература в широком смысле) не связано со способом издания. При таком подходе лубком может быть названа и рукописное издание, и цельногравированное, и наборное.

знаем очень мало. Судьба народной литературы, как говорилось выше, сходна с судьбой церковнославянского языка, эти явления, доставшиеся XVIII – XIX вв. в наследство от допетровского времени, были живыми и массовыми, но недостаточно отрефлексируемыми явлениями.

Что касается периодизации народной литературы, то здесь можно ориентироваться на периодизацию лубка, где традиционно выделяются два больших периода. До введения цензуры на издания и после.⁴ Считается, что обязательная цензура на лубочные издания была введена в 1839 году. Понятно, что эта дата достаточна условна. Далеко не все лубочные листы, изданные после этого года, действительно читались цензорами. Точно также ряд изданий подвергались цензурному рассмотрению и до 1839 года.⁵ Поскольку в понятие народной литературы мы включаем не только лубки, но и рукописные сборники, на которых деятельность цензоров не могла оказать непосредственного влияния, можно, по всей вероятности, отдельно говорить о XVIII – первой половине XIX века и отдельно о второй половине XIX в., когда, с одной стороны, уже был хорошо налажен цензурный контроль, а с другой, в результате успехов народного образования, постепенно менялась языковая компетенция крестьян.

Для текстов первого периода как гравированных, так и входящих в состав рукописных сборников, церковнославянский язык является не менее важным, чем русский. Многие тексты для народа издаются по-церковнославянски, эти же произведения зачастую встречаются и в рукописных сборниках. Речь идет о молитвах, отрывках из Ветхого завета, сведениях об отдельных церквях и монастырях и др. Лубочные гравюры и рукописные тексты отчасти дублировали то, что издавали в синодальных и монастырских типографиях для народа. Однако графика и орфография лубков и рукописных сборников заметно отличается от стандартной церковнославянской. Так, например, для лубочных и рукописных текстов не характерна постановка диакритических знаков в соответствии с требованиями грамматики (знаки ударения могут пропускаться или же, наоборот, ставиться в неправильных местах), буква ѣ часто заменяется на е, буква ѣ заменяется на и, отсутствуют правила распределения дублетных букв и т.д.⁶ В качестве примера приведем отрывок из гравированной Библии Василия Кореня. Здесь видны отличия от стандартных церковнославянских текстов второй половины XVII – начала XVIII века как в постановке знаков диакритики (знак ударения стоит не на месте, в одном слове может стоять более одного знака ударения), так и в расстановки дублетных букв и буквы ѣ. ѣплѣкаса ѣда ѣнебѣ ѣ сыне ѣкоѣ ѣннеѣзѣмѣ где скрѣти еѣдѣ

⁴ Ровинский, Дмитрий: Русские народные картинки. Санкт-Петербург: Типография Императорской академии наук, 1881, 5, с. 30-36.

⁵ Хромов, Олег: Русская лубочная книга XVIII – XIX веков, с. 162-169.

⁶ Плетнева, Александра: Лубочная библия..., с. 81-88.

нѣвѣ бѣ чѣдо ѡбнѣптица птницѣ инѣча капати вѣсоки адѣмѣже ѣвѣѣ сотвори чѣкоже погрѣвѣ сѣа своего совѣжнимѣ плѣчемѣ⁷ Иногда изменения касались и грамматики: формы двойственного числа заменялись на формы множественного, русифицировались падежные окончания существительных и прилагательных и т.п.⁸ Так, например, в лубке Житие Иосифа прекрасного XV-III в. достаточно часто встречаются глагольные формы, несогласованные по лицу и числу: блаженѣ сѣи нѣкобѣ имѣлѣ сѣи ѣѣ сыновѣх нменшаго любнѣ сѣи ншнѣда прекраснаго ншнѣдѣ вдомѣ сѣдѣ ѡцѣвѣ старѣстѣ ѣтѣшѣлѣ и др.⁹

Однако кроме текстов церковного содержания в народной литературе представлены и тексты светского содержания. Их язык можно охарактеризовать как объединение элементов церковнославянского языка и русского городского просторечия. При этом выбор русского или церковнославянского элемента не определяется содержанием текста и не связан с ним. В XVIII веке произведения развлекательного и даже фривольного характера печатаются церковной кириллицей. Ниже приводятся фрагменты двух лубочных текстов в оригинальной орфографии, которые демонстрируют ориентацию на церковнославянскую графику и орфографию. кчюжнимѣ словѣмѣм непристаблн // адобрыѣ рѣчи признаблн // настѣпсѣ стѣрѣнѣ непѣрѣвнблн // адобрыѣхѣ словѣх непѣзабывблн // снѣдн бѣсѣдн нѣворчн // нолѣтѣчѣ снѣдѣ прѣмолчн // нѣтнхѣ молчаннѣ // лѣчшѣ многѣ ворчаннѣ // бѣдѣ доволѣнѣ грыбѣмн // адѣржн ѣзыкѣхѣ зазѣбѣмн.¹⁰ плѣшн бѣрѣтѣ дѣтнѣка // надѣлѣ молѣ волыѣка // рѣгнѣлѣ том (?) своѣ ношкѣ // внѣдншн пѣцѣлѣ трѣубѣ ѣко кошкн // вѣзьмн чѣ ѣхѣлѣкѣ // хѣлѣтѣ бѣрѣтѣ вѣпрѣсѣлѣкѣ.¹¹

Областью, где влияние церковнославянского языка на народную письменность светского содержания прослеживается наиболее отчетливо, является графика и орфография. В этом отношении показателен материал, который дают лубочные перепечатки газет XVIII – начала XIX века. Газетная заметка воспроизводится в гравюрной технике, при этом содержание текста и его грамматика не меняется. Однако способ записи газетной заметки совсем иной. Ниже приведены фрагмент газетного текста из Московских ведомостей и его перепечатка в лубочном формате, демонстрирующие графико-орфографические изменения.

⁷ Сакович Антонина. Народная гравированная книга Василия Кореня 1692 – 1696, Москва: Искусство, 1983. Приложение: Факсимильное воспроизведение Библии Василия Кореня 1692 – 1696 из Государственной Публичной им М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. Л. 19.

⁸ Плетнева, Александра: Лубочная библия..., с. 89-94.

⁹ Плетнева, Александра: Лубочная библия..., с. 197-214.

¹⁰ Ровинский Дмитрий: Русские народные картинки. Санкт-Петербург: Типография Императорской академии наук, 1881, 1, с. 310-311.

¹¹ Ровинский, Дмитрий: Русские народные картинки, т. 1. с. 317.

Московские ведомости (№93 за 1770 год)	Лубочный текст ¹²
<p>Однако прочіе всѣ согласно требовали мира угрожая, что они почтутъ всѣхъ тѣхъ непріятелями отечеству, которые противятся ихъ желанію, и предадутъ ихъ безъ всякаго милосердія на казнь; и сей поднявшійся со всѣхъ сторонъ ужасный крикъ принудилъ первыхъ къ молчанію. Султанъ видя, что невозможно перемѣнить принятаго въ собраніи намѣренія, обѣщаль исполнить по ихъ волѣ, съ тѣмъ однако договоромъ, чтобы они послѣ не возлагали на его вины. На что отвѣтствовали они, пребывалъ бы Султанъ только спокойно на своемъ престолѣ, а договоры сдѣлать берутъ они на себя.</p>	<p>Ѡднако все согласно требовали мира угрожалъ что Ѡни почту¹ ихъ не прилетелеми Ѡтечеству которые противатса ихъ желанію предадѣтъ ихъ на казнь и все поднавшиса ужасно крикъ принудилъ первыхъ кмолчанію султанъ вида что невѣможно перемѣнить ихъ намѣрениа Ѡбещаль исполнить поихъ воли, стемъ договоромъ^м чтобы Ѡни после невозлагали нанего вины начто Ѡвѣ^тствовали Ѡни, пребывалъ бы султанъ спокойно напрестоле своемъ, Ѡдоговоры здела^т беру^т Ѡни насебл.</p>

Анализ газетных лубков показывает, что исходный текст переписывался, и в нем появлялись орфографические особенности, которые были характерны для церковных книг. Например, появлялись выносные буквы и паерок: *ужасны^х, громовы^х, ударо^с, которы^м, безчисленны^а, всамо^м, немогу^м, съ Его Королеѣвски^м Высочество^м, изображе^м, в³дѣшини^м, и³нихъ, на^азираніи, прои³ведена, выбрасыва^мъ, подпредводителс^мво^м, битса , ѡ великомъ, ѡроссию, въгородъ Элбингъ*. Появлялся также знак придыхания и знак исо (являющийся комбинацией придыхания и острого ударения): *ѡрдена, ѡбыватели, ѡ [союз], ѡѡблака, ѡ взати (о взятіи) ѡстава, ѡписаниемъ, ѡнынѣ, ѡсады, ѡроссиана^х, ѡсталное, ѡхоты, ѡгна, ѡбстоателства, ѡни, къѡкончанію*. В лубочных газетах мы встречаем и знак титла (*ѡлвкъ, нѡму, противъ воли ѡжси, Бгъ*), причем часто не в тех словах, которые пишутся под титлом в церковных книгах.¹³

О несомненном влиянии церковнославянской письменности говорит не только постановка надстрочных знаков, но и употребление в лубках букв, исключенных из гражданского алфавита. Это «юс малый», «омега», «от», «кси»: *котораа , мѣсаца, мицениа, а (я), учинившииса, ѡбъаты, перпендикулярной, релации, руманцова, рыцар^а, Ѡправленнои релации, Ѡглавнокамандующаго, Ѡнѣго, Ѡдать, ѡтчаеннаго Ѡветъ, ѡробости, ѡставить, алеѡандръ*. Очевидно, что такое правописание объясняется, как писцовой выучкой, которая меняется медленно, так и знакомством с церковной книжностью.¹⁴

Создатели лубочных текстов пытались следовать некоторым правилам, которые формируются на основе правил церковнославянского правописания. В газетах на месте одной буквы «у» мы находим две или три буквы, обознача-

¹² Ровинский, Дмитрий: Русские народные картинки, т. 2. с. 93-95.

¹³ Плетнева, Александра: Лубочные перепечатки газет: к вопросу об орфографическом единстве лубочной письменности. In: Русский язык в научном освещении, 2016, № 2 (32), с. 212-216.

¹⁴ Плетнева, Александра: Лубочные перепечатки газет, с. 214-215.

ющие [u], что связано с церковнославянской традицией. В церковных книгах этого времени ОУ писалось в начале слова, а У не в начале слова. По этой же схеме может организовываться написание У и У в лубочных газетах: *въбарцелонУ, фигУра, бородУ, зУбовь, рУки, самУю, по всемУ телУ, уведомляетъ, уБродливаа, уши, усы*. Другой вариант – используются все три варианта два из церковных книг, и один из гражданской печати: *въ минушую, оружию, журжу, порученнаго, средУ, ко дворУ, , трУбецкои, емУ, оучинѣни*.¹⁵

В лубках светского содержания XVIII – начала XIX в. церковнославянское влияние проявляется не только на уровне графики и орфографии. В текстах встречаются и лексические славянизмы: *расуди самъ себѣ и внемли какъ можно поднять зземли*;¹⁶ *повеждѣми какава в немъ есть сила, что оно тебе кажется мило*;¹⁷ *а бесъ сталь ево дстить* (=обманывать) и т.д.; и церковнославянские союзные средства: *поднела рыло убо ей стало мило*;¹⁸ *видиши пицат трубы яко кошки*;¹⁹ *усердно приими дабы тебѣ было вѣстно*;²⁰ *аще содружится со мною кая власть, постигнетъ его лютая напасть, аще содружится сомною протопопъ, и инь будетъ глупый пустопопъ*²¹ и т.д. В светских текстах встречаются также и отдельные элементы церковнославянской грамматики, такие как инфинитивы на *-ти*, энклитические местоимения, отдельные славянские падежные окончания, простые претериты. Интересной в этом отношении является лубочная сказка о Бове, в которой выделяются три части, составленные разными людьми. При этом в двух частях встречаются формы аориста (у второго составителя на 245 л-форм – 27 аористов, у третьего составителя на 255 л-форм – 76 аористов²²). Таким образом, в пределах одного текста русские глагольные формы могут сосуществовать с церковнославянскими.

Во второй половине XIX в. язык лубка становится другим. С одной стороны, это связано с введением цензуры на лубочную продукцию, которая обращала внимание и на язык. С другой - кардинальным образом изменилась

¹⁵ Плетнева, Александра: Лубочные перепечатки газет, с. 215.

¹⁶ Ровинский, Дмитрий: Русские народные картинки, т. 1. с. 310-311.

¹⁷ Ровинский, Дмитрий: Русские народные картинки, т. 1. с. 331-333.

¹⁸ Ровинский, Дмитрий: Русские народные картинки, т. 1. с. 331-335.

¹⁹ Ровинский, Дмитрий: Русские народные картинки, т. 1. с. 317.

²⁰ Ровинский, Дмитрий: Русские народные картинки, т. 1. с. 343-344.

²¹ Ровинский, Дмитрий: Русские народные картинки, т. 1. с. 322-326.

²² Характерно, что аористы часто не согласованы с подлежащим в лице и числе: *Потомъ король Дадонъ обвиша (вместо обви) главу и начаша лѣчится и искати по многимъ градамъ лѣкаря; Ивидоша (вместо вниде или внидоше) Бова королевичъ и ста предъ королемъ. Ипотомъ воста (место воссташа) они против короля Маркобруна и выехали из града. Король же Дадонъ и прекрасная королевна Милитриса услышавше что Бова королевичъ стоитъ подъ градомъ Антономъ повѣле (место повѣлеша) въ рогъ трубить* (Плетнева, Александра: О языке «масскультуры» пушкинской эпохи: лубочная сказка о Бове. In: Вереница литер. К 60-летию В. М. Живова. Москва: Языки славянской культуры, 2006, с. 476.

ситуация с народным образованием. После великих реформ на порядок увеличилось количество государственных и церковных начальных школ, в которых получали образование крестьянские дети. Программа этих школ была ориентирована не на церковнославянский язык, как это было раньше при домашнем образовании, а на русский литературный язык. Дети учились читать по русскому букварю, учили наизусть не псалмы, а басни Крылова. Таким образом, церковнославянский, оставаясь языком богослужения, постепенно перестал быть языком народного образования. Народная литература отражает эту ситуацию. Во второй половине XIX в. в лубочных листах светского содержания сильно уменьшилось количество славянизмов. Можно сказать, что тексты стали гораздо ближе к русскому литературному языку. Приведем два примера таких текстов: «-Глянька Пантюха! вонь это, на большомъ камнѣ то стоитъ ли не Росланей ли багатырь? не царь ли Огненныи щить Пламенное копие? – Э, братъ Сидорка ужь ты къ Еруслану заѣхаль, Лазаревича запѣль! Это вишь ты Памятникъ богатырямъ русскимъ которые спасли Русь отъ Поляковъ. Это стоитъ Кузьма Мининъ, а это сидитъ князь Пажарской. (Сидорка) – Ужь въ прямъ, что богатыри, есть въ чемъ и силѣ быть! Рука - та ли, нога – та ли, али плечи-та того гляди одинъ десятка два убереть. (Пантюха) – Дурашка да ты мекаешь они такіе и были! Это нарочно такъ ихъ представили чтобъ показать ихъ великое мужество и великую любовь къ родимому Отечеству. – Ну Пантелей Естифеичъ! недаромъ говорятъ что за одного ученого двухъ не ученыхъ даютъ. Вотъ толи дѣло какъ ты маракуешь граматѣ-то и понатопо-рель удьячка-то Агафона Патрикѣича»²³. «Цѣлыя столѣтія алхимики тщетно трудились надъсозданіемъ химическимъ путемъ гомункула; въ настоящее время Простому механику въ Нью-йоркѣ Цоддоку Детрику удалось изобразити пароваго челоуѣка. Онъ такъ устроень, что нетолько бѣгаетъ быстро по всѣмъ направлєніямъ, но можетъ случитъ локомотивомъ для тяжести, на перевозку которой потребовались бы 3. сильныхъ лошади».²⁴ Из приведенных примеров видно, что облик текста стал иным, лубочный лист перестал быть ориентированным на церковный шрифт и церковнославянскую орфографию.

Однако ориентация на церковную орфографию остается, если не в лубочных изданиях, то в рукописных сочинениях. Школьные учителя прекрасно знали, что их ученики, выйдя из школы, будут писать не так, как их научили. Педагоги постоянно сталкивались с тем, что ученик успешно сдавал выпускной экзамен в школе, а потом, уже буквально через год, забывал все правила и писал как-то по-другому. Эта особая крестьянская орфография привлекла в свое время внимание В.А. Богородицкого, описавшего этот феномен в статье «Изучение малограмотных написаний».²⁵ Сама идея о том, что так называе-

²³ Глянька, Пантюха. Литография Сытина, Москва, вторая половина XIX в.

²⁴ Даниил длинный великан. Литография Гольшева, Мстера, 1869.

²⁵ Богородицкий, Василий: Изучение малограмотных написаний. Казань, 1901.

мые «неграмотные написания» могут иметь какие-то принципы и закономерности, была совершенно новаторской. При этом Богородицкий рассматривал «неграмотные написания» синхронно, не ставя вопроса об их происхождении. Например, фиксируя наличие в малограмотных письмах употребление двух знаков ϵ и e , и указав, что «первый знак употребляется в начале слова, а второй в середине и конце»,²⁶ Богородицкий не делает следующего шага и не соотносит свое наблюдение с правилами церковнославянской орфографии. Хотя это влияние кажется вполне очевидным.

После коренных реформ системы образования, осуществленных в советское время, описанная Богородицким орфографическая система постепенно исчезла. Однако о полном ее исчезновении нельзя говорить и сейчас. Примером сохранения этой традиции могут служить письма Агафьи Лыковой, отшельницы, происходящей из семьи старообрядцев-беспоповцев. Здесь мы находим определенные элементы, связанные с церковнославянским языком. В ее написанных на русском языке письмах сохраняются церковнославянские буквы ѿ, ѡ, Ѡ, лигатурное написание Ѹ, хотя при этом Ѣ практически отсутствует. Для писем характерна постановка знака придыхания над первой гласной слова, нерегулярная постановка знака титла, выносные буквы на конце строки. В качестве примера приведем фрагмент одного из ее писем: *гдн ѿе христе сїе бжїи помнѡи насъ ѡмнїи писмо натѸвѸ чїи максимїле ѿхристе ѡбсемъ жнѡвцїмъ свѡмї кланяюсь всемъ понїкомѸ поклонѸ ѡгафїѡ карповна лыкова желаю всемъ ѿгоспода бгѡ добраго здоровїѡ наипаче всего дѸшевно спасенїѡ вжїзни благополѸчїѡ соѡбщѡю ѡсебѣ ѿсвоей жїзни забашн сѣтѡ молчївнѡ свѡїю помощю жнѡвѸ благополѸчно посаджѸ посаджѡ картошки посаджѡ горохъ бедерѡ прочѣе коечѣо посаджѡ ѡбщїи.*²⁷

Рассмотренный материал дает основания утверждать, что на протяжении XVIII – XIX веков церковнославянский язык влиял на язык народной письменности и литературы. Эта особая письменная традиция сосуществовала с русским литературным языком вплоть до начала XX века. Ее существование поддерживала традиционная система народного образования, при котором начальное обучение грамоте осуществлялось по славянскому Часослову и Псалтири. Угасание той традиции было связано с успехами народного образования и увеличением числа детей, которых учили читать по книгам гражданской печати. Связь народной письменности с церковнославянской традицией прослеживается очень четко. Даже в текстах, ориентированных на русский литературный язык, сохранялись церковнославянские элементы (в первую очередь, на уровне графики и орфографии), которые воспринимались как черты, маркирующие народную литературу.

²⁶ Богородицкий, Василий: *op. cit.*, с. 5.

²⁷ Толстова, Галина: Полуустав в XXI веке (письма Агафьи Лыковой в в собрании Красноярского краеведческого музея). Красноярск, 2011, с. 115.